

СЕРГЕЙ МИКРЮКОВ: ХОРОШИМИ ЛЮДЬМИ ОНИ СОСТОЯЛИСЬ...

Сергей Микрюков, уроженец Санкт-Петербурга, 49-ти лет от роду. Руководитель Сестрорецкого Рок-Клуба, организатор фестиваля "Сестрорецкий Джеммуз". Персона не богатая, мало известная и совсем не культовая.

Михаил Кондратович: *Что такое рок-н-ролл? Сами рокеры говорят, что это стиль жизни...*

Сергей Микрюков: Нет, спаси и сохрани. Просто нравится. Вызывает определенные приятные эмоции. Когда впервые услышал "Битлз" – лет десять мне было – это произвело эффект разорвавшейся бомбы. Такого эстетического потрясения я никогда до этого не испытывал. Даже от классики – я вообще к ней очень избирательно подхожу... А потом мы каждый год ждали выхода нового альбома битлов, искали тех счастливиц, у кого они появлялись, переписывали за какие-то деньги на бобины... "Вражеские голоса", конечно... На эту, как раньше говорили "пропаганду западного образа жизни", нам было наплевать – мы просто хотели услышать битлов.

М.К.: *А в российском рок-н-ролле были такие же открытия?*

С.М.: Нет, не слышал никогда. Может, и было что-то, так их не записывали. Делались какие-то подпольные концерты в то время в клубе Мира и в Военмехе. "Аргонавты" играли, "Лесные Братья", старый состав "Санкт-Петербурга"... Проходили на эти концерты по записи на руке. Милиция разогнала, отбирали аппаратуру, вплоть до тюрьмы – ходили такие слухи, что кого-то сажали. У нас тоже была своя группа, называ-

лась "Q – 68". И нас гоняли (мы играли на танцах в Стрельне) – песню "Битлз" спел – и до свиданья, больше на танцах не работаешь.

М.К.: *Дэвид Боуи – тоже знатный деятель рок-н-ролла – еще в середине семидесятых сказал, что на пороге 21 век, и глупо застрять в прошлом, когда надо идти в будущее. У меня такое ощущение, что многие рокеры, даже нового поколения, прочно застряли в прошлом. Худобедно докатились до девяностых и все – дальше ничего нового, сплошные перепевки старого.*

С.М.: Есть такое понятие как классика. Баха же слушают: "Хорошо Темперированный Клавиры" как появились тогда, так его и по сию пору слушают. Мне лично ближе группы шестидесятых – середины семидесятых. Они заложили базис, который до сих пор разрабатывается, прорабатывается, отрабатывается – в различных вариантах. Вот "Время От Каждого" поют песню, в которой есть строчка "Рок-н-ролл мертв, а мы еще нет". Все ж зависит от личного вклада. Кто-то что-то новое придумал, и все этим начинают пользоваться. Жанр такой. Существует же масса производных от рок-н-ролла. Придумали рокеры когда-то прием наговаривания текста на барабаны. Прием очень эффектный, всем понравился. Вот и пошло. Вот вам рэп, хип-хоп и прочее.

Только текста раз в пятнадцать больше. Я вообще не против нового. Только редко что-то достойное услышишь. Вот те же компьютерные технологии. Попадают интересные находки. Только для большинства нормальных музыкантов это становится порогом, каким-то искушением: машина сама за тебя пишет, сама за тебя играет; говорят, что музыкой и не музыкант сможет заниматься. Я считаю, что это фикция.

М.К.: *То есть компьютер погубил рок-н-ролл?*

С.М.: Это вряд ли. Компьютер может выступать хорошим инструментом. Но уж всяко не создателем.

М.К.: *Можно сказать так, что хороший рок-н-ролл не убьешь ничем, а плохой можно убить даже компьютером?*

С.М.: Плохой рок-н-ролл и сам благополучно загнется. Критерий ведь один – слушаю или не слушаю.

М.К.: *Сейчас в рок-н-ролле наблюдается кризис жанра. Есть ли кто-то из Ваших ребят, Ваших подопечных, кто способен выскокить из этого застоя?*

С.М.: Наверняка есть. Они же все ищут.

М.К.: *Почему Ваши ребята занялись именно рок-н-роллом? Ни чем-то другим: спортом, например, или художественной лепкой, а именно рок-н-роллом?*

С.М.: У ребят в этом возрасте есть масса незаполненного свободного времени. Кто-то из них ударяется

в наркотики. Искушение этой "романтикой" велико, и они начинают "рвать" себе вены, а потом получают кучу взрослых проблем: где достать деньги на дозу, уголовная ответственность... Другие ищут, как заполнить это время по-другому. И, скорее всего, этим другим станет музыка. С классикой сложнее – надо получать академическое образование, масса скучнейших упражнений, а рок-н-ролл – это драйв, это их ритм, их темп. Это всегда движение. Они пишут песни, а ведь песня – это не такая простая штука "ну-ка-напиши песню-сел-за-пять-минут-написал" – они мучаются, ищут мелодию, аккорды, слова... И в итоге у них получается то, что они сделали сами. Это хлеще любого наркотика. Абсолютно точно. Потому что они начинают гореть этим делом. И моя-то задача заключается в том, что им обязательно нужно дать возможность это кому-то показать. Вот они работали, и если есть конечный результат, и есть зрители в зале, которые хлопают, потому что им нравится – это мощнейший стимул, это круче самого крутого наркотика.

М.К.: *Сейчас о таких людях, как Вы, говорят, что это просто продюсер, который со временем на своих воспитанниках начнет делать деньги. У меня есть стопроцентная уверенность, что деньги – это не Ваша цель. Я даже знаю,*

что для того, чтобы иметь возможность заниматься с ребятами, вы работаете на какой-то работе – чуть ли не молоком раньше развозили. Зачем Вам это надо? Вы хороший музыкант, собрали бы свой составчик и зарабатывали бы денежку по кабакам? Чего с детьми-то возиться?

С.М.: Да мне самому интересно с ними заниматься. Бывает, приносят такой материал, что диву даешься, как классно написано. Но на их уровне, не обладая навыками композиции, аранжировки, они не могут его сделать так, чтоб он зазвучал, превратился в конечный продукт. Обязательно должен быть рядом специалист, который, исходя из их исполнительского уровня, подскажет какие-то ходы, какие-то решения – как это сделать. Я, правда, никогда не давлыв авторитетом. Бывает такое, что говорю автору: “Давай поставим этот аккорд – звучит получше.” А мне отвечают: “Нет, будем искать другое,” – и сами находят что-то свое – угловатое, но свое. И так песен десять. А в результате появляется определенный опыт в работе с инструментальной группой. И за зиму из полного нуля получается 3 – 4 номера, не супер-уровня, конечно, но показать уже не стыдно. Та же группа “Иллюзион”... Пришли такие... Им можно было раз по десять говорить – и все мимо. Но у них было огромное желание, и сейчас результат налицо – очень приличная команда в сравнении с тем, что было. И дальше они двигаются сами. У команды “Контрольный Выстрел”, например, уже шестилетний опыт создания песен.

М.К.: “Битлз” – они ж тоже с нуля начинали. Даже толком играть не умели. Просто появился Джордж Мартин, который их “натаскал”...

С.М.: На пустом месте ничего не растет. Хоть Ленон и говорил, что они не знали, как правильно, поэтому делали неправильно;

но, нарушая старые каноны, они создавали новые. При всем том, что Маккартни в пятнадцать лет прекрасно владел сложными джазовыми аккордами. А Харрисон каждый день в кровь пальцы об струны стирал.

М.К.: А Вами персонально кто-нибудь так же занимался?

С.М.: Нет, никогда. Я с пятнадцати лет в каких-то группочках, группоньках... Но в училище этого не давали. Был, конечно, класс оркестровки, аранжировки мы делали, но это совсем другая специфика – прямо перпендикулярная. Сделать аранжировку для оркестра – там уже давным-давно все вымеряно: вот такой инструмент играет в такой тиситуре, для такого инструмента – такой регистр, все расписывается, как в типографии набирается, и получается оркестровка; тоже, конечно, но без нюансов. А в рок-н-ролле диапазон любого инструмента шире раза в четыре, чем у скрипки или альта в симфоническом оркестре. А сколько окрасок: поставили такой процессор – один эффект, другой – другой эффект. Здесь гитара звучит меланхолично, здесь истерично... Много таких “наборчиков”... А казалось бы, три гитары и барабан; иногда еще клавиши – тоже, к стати сказать, вещь совершенно космическая... Четких алгоритмов нет. Слушаешь и делаешь.

М.К.: А есть кто-то из Ваших ребят, из кого можно сделать “Лед Зеппелин” номер два? Я имею в виду уровень, а не музыкальный материал.

С.М.: Есть. Пожалуй, это все старшие группы. Я же езжу со своими в разные клубы, слушаю как играют, чего играют. В большинстве случаев, по сравнению с нашими – это куча мусора. Есть одна группа питерская: на них в клуб народу привалило – не продохнуть. Вышли три гитариста и барабанщик – и давай глотку драть, и все матом. Речи о вокале даже не шло. Можно, конечно, выйти на сце-

ну с ведрами и швабрами, и колбасить весь вечер, но это не музыка, а клоунада. Так их в клубы приглашают и деньги за это платят. Но для наших ребят это даже не уровень.

М.К.: А приглашают наших поиграть в клубах?

С.М.: Да, приглашают, и не в плохие клубы. Но везде требуют демо-записи. А у нас нет возможности ее сделать. В студии профессиональной писать – это дорого. Мои ребята процентов на восемьдесят из таких семей, у которых финансовые проблемы. Для них это нереально. Мальчишки почти все сами работают, но и хобби это дорогое – купить инструменты... Нам очень нужна студия. Записать этот диск, не для массового распространения, конечно, но есть масса продюсерских центров, которые были бы заинтересованы в дальнейшей работе с ребятами. Поэтому что, где бы они ни выступали – по-хорошему незамеченным это не проходит.

М.К.: Предположим, Вы сейчас общаетесь с лицом, наделенным достаточной властью, чтобы решить вопрос о той же студии для ваших ребят. Скажите, зачем нашему району нужны эти рокеры? Неизвестно чего от них ожидать можно...

С.М.: Жутчайший стереотип: рокер – значит цепи, кольца в ноздрях, шприцы в карманах... Ужас какой-то! Придите на концерт и посмотрите, кто и чем занимается на сцене, в зал загляните, кто как выглядит. Бывает, конечно, на мероприятиях малопривлекательная публика. Да на любых мероприятиях такая бывает. Но это даже не процент от общей массы. На наши концерты приходят и слушают музыку. У нас даже этого пресловутого “пятакча” в зале нет. Рецензенты, которых мы пригласили, тоже удивляются. Эти спецы такие площадки озвучивали, многое повидали, а когда у нас в зале сидели, говорили, что прямо

филармония – приличная публика, музыканты играют на уровне; еще бы хороший звук, но прекрасному, как известно, предела нет. А что касается Курортного района непосредственно, то престиж района от этого не падает. При наличии хотя бы у одной группы хороших выступлений... Они же везде таскают с собой марку “Сестрорецкий Рок-Клуб”. Сестрорецкий – это ж понятно, что не марсианский. К нам приезжают из Рыбацкого, с “Рогатки” (это конец Московского проспекта): мол, можно, мы у вас будем заниматься? У них нет возможности в городе, так они к нам едут. А у нас тоже особой возможности нет. Я один уже не потяну хотя бы еще одну группу. А идут потоком. При наличии мало-мальски нормальной студии – компьютер, микрофоны, помещение – Курортный район превратится в Мекку. И чем это мешает Курортному району, я не знаю. Денег на этом не зарабатываешь. Для меня способ получения из этого денег – тайна, покрытая мраком. На всяких высших совещаниях постоянно звучит: “Почему не охвачена молодежь от 13-ти лет?!” Да как не охвачена? Вот она – вся в Сестрорецком Рок-Клубе. У нас в районе постоянно проходят какие-то детские мероприятия – хоровые, танцевальные. Некоторые из них в городе известны. Но у нас нет ни одного мало-мальски известного рок-мероприятия. А это что, не детское творчество? У меня пацаны с 13-ти лет занимаются. Мы выпускаем нормальных людей, которые не жрут наркотики, с ними ночью на улице встретиться не страшно, с ними есть о чем поговорить. Мои ребята никогда не возьмут ни шприц, ни финку, и ночные магазины грабить не пойдут. Я не знаю, сколько из них состоятся как звезды, но хорошими людьми они уже состоялись.

Интервью Михаил Кондратович